

ВАСИЛИЙ СТАРИЧЕНОК
(факультет русской филологии, Белорусский государственный
педагогический университет имени Максима Танка, Минск)

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ЗАИМСТВОВАНИЙ В БЕЛОРУССКО- ЛИТОВСКО-ПОЛЬСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ

Характер заимствований в белорусско-литовско-польском пограничье довольно сложный и не всегда укладывается в традиционные схемы и модели, что прежде всего связано со спецификой этого региона. В нем переплетаются разнообразные факторы в их динамике: элементы традиционного белорусского и литовского (в островном литовскоязычном ареале) говоров сохраняются в речи информаторов старшего поколения, использующих, кроме того, польский периферийный диалект «польщизны кресовой»; большая масса населения говорит на смешанном диалекте, преобладание в котором белорусских, литовских или польских черт обусловлено культурно-историческими условиями развития говора; определенное количество населения говорит на русском языке, применяемом как билингвами (в зависимости от условий общения), так и проживающими в регионе представителями русской национальности. Генетическая близость языков и диалектов, многочисленные их контакты, интенсивные интерференционные процессы, существование этнических и лингвистических субстратных явлений содействуют созданию пестрой вибрационной семантической зоны, компоненты которой могут тяготеть в сторону литовского, польского или белорусского языков.

В таком сложном регионе нашли свое отражение различные по характеру этнолингвистические связи: наряду с исконными лексическими единицами фиксируется большое число заимствований, инфильтраций (они не связаны с экспортом-импортом реалий, а являются обозначениями уже существующих предметов и понятий) и контаминированных форм. Среди заимствований наиболее рельефно выделяются литуанизмы и полонизмы, значительная часть которых твердо закрепилась в белорусском языке и его функциональных стилях, прошла все стадии семантической адаптации и почти не подверглась изменениям. Хронологически такие заимствования подразделяются на 2 группы:

1. Литуанизмы и полонизмы, заимствованные в белорусский язык примерно во время Великого княжества Литовского и ранее (они отмечаются в памятниках старобелорусской письменности). Часть из них получила широкое распространение в бытовой, профессиональной, экономической, хозяйственной и других сферах и прочно закрепилась в системе современного литературного языка: *кантур* ← польск. *kaptur*;

куль ← лит. *kūlys*; жалоба ← польск. *żałoba*; коўш ← лит. *káusaš*; сцёрта ← лит. *stirta*; флякі ← польск. *flaki*; моц ← польск. *moc*; кушнер ← польск. *kusznierz*; імнэт ← польск. *impet*; ганак ← польск. *ganek*; ліштва ← польск. *lisztwa*; капялюш ← польск. *kapelus*; высна ← польск. *wyspa*; лёх ← польск. *loch*; дзірван ← лит. *dirvónas*; парэнчы ← польск. *poręcze*. Другие же, наоборот, не получив широкого распространения, постепенно вышли из употребления: пундель, торпостай, велдомы, жибентяй, койминец, кгомолка, клаим, мезлева, текун.

2. Относительно поздние заимствования, которые в большинстве случаев отмечаются в зоне этнолингвистических контактов: сморг., ошм., брасл., ивьев. **ані́кула** (лит. *apikula*) ‘обмолоченный сноп; околот; лентяй, лодырь; ничтожный человек’ (СП); пост., остр., сморг. **маўра** (лит. *taurai*) ‘ряска; разновидность рдестовых’ (СП); пост., швенч., игн. **кроўш** (лит. *kriaušis*) ‘берег реки; высокий обрывистый берег; заводь, затон’ (СП); лид., новогр., щуч., корел., ивьев., ворон., дял., грод. **ламбу́к** (лит. *lambas*) ‘стебель; лист свёклы со стеблем; цветоносный стебель лука; стержень птичьего пера’ (СП); лид., ошм., грод., шальч. **маргэ́ль** (лит. *margelis, margele*) ‘рябой пятнистый бык; грязный, чумазый человек’ (СП;ЭС; Лауч.); грод., пост., брасл., волк., мяд., вил. **гэ́гні** (лит. *gegnės, geglinis*) ‘рыболовная снасть; стропило, приспособление для носки сена, соломы; железный стержень в плуге; кривоватые руки, ноги’ (СП; ЭС; Лауч.); брасл., ворон., лид., в.-эв. пост. **ашакі́** (лит. *ašakos*) ‘ости; высежки; мякина; выжимки; чешуя; тонкие кости в рыбе’ (СП; Стешк., I; ЭС; Лауч.);

Проксимальная (непосредственная) форма языковых контактов в условиях взаимодействия каждой из диалектных систем с литературными языками, различные виды билингвизма и полилингвизма (белорусско-литовского, белорусско-польского, бытового, массового, индивидуального, активного и др.), параллельное использование нескольких языков является одной из причин интерференции – непроизвольного перенесения особенностей одного языка в другой, что приводит к определенным изменениям структуры слова и отклонениям от нормы. На лексико-семантическом уровне интерференция проявляется в накладывании лексико-семантических вариантов (в дальнейшем – ЛСВ) единиц различных языков, в результате чего в одном из языков слово употребляется в не свойственном ему значении. Как правило, употребление такого слова ограничивается рамками речи, разговорного стиля. Чаще всего такого рода семантическая интерференция наблюдается в идентичных или похожих по звуковому оформлению единицах. Ими могут быть генетически родственные слова, разошедшиеся в смысловом развитии, ранние заимствования, полностью адаптировавшиеся в языке,

омонимы и паронимы: *новогр., коп., несв. абэ́ржа* ‘большое уютное помещение’ < польск. *oberza* ‘корчма’ ↔ *мин., молод. абэ́ржа* ‘дородная плотная женщина’ < *bérzti* ‘толстеть, мужать’ (ЖС; ЭС; Лауч.); *бел. баланда* ‘постная редкая похлебка’ < лит. *balánda* ‘лебеда; жидкий суп’) ↔ *ивьев., стол., борис. баланда* ‘болтун’ < польск. *bałanda* ‘растяпа верзила, дылда’ (СП; Лауч.); *грод., ивьев., мяд., пруж. ме́нта* ‘наждачная лопатка для точки косы; мешалка; болтун’ < лит. *mente, mentele* ‘лопата для копки картофеля, размешивания раствора’) ↔ *мог. ме́нта* ‘мята’ < *mięta* ‘тс’ (ЭС; СП; Лауч.)

Формирование смысловой структуры полисеманта *нэндза (нэнза, нэнджа)* ‘забота; беспокойство; нытье; нытик; плакса; худой, изможденный человек; тот, кто переборчив в еде; каприза’ (СП; ЖС) осуществлялось в результате многочисленных заимствований более позднего периода из польск. *nędza*, а также под влиянием значений широко распространенного бел. субстантива *нуда* (ЭС).

Полисеманты в пограничном регионе ощущают на себе воздействие компонентов различных диалектных систем, что не может отражаться на характере их модификаций. В зависимости от соотношенности заимствований с первоисточниками их можно распределить по четырем основным группам:

1. Заимствования с эквивалентной (тождественной) соотношенностью ЛСВ. Обычно они ограничиваются небольшими ареалами (часто фиксируются только в одном–двух населенных пунктах), что, безусловно, не способствует их смысловому развитию. Такие семантические структуры практически копируют иноязычные единицы: лит. *brūzuklis* = *ворон. брузу́кель* ‘деревянная пуговица; бирка для подвешивания сала; вертикальный шпенец в жерновах’ (СП; Лауч.); лит. *gurgulai* = *грод. гургалé* ‘намерзший лёд на окнах; сосулька (ледышка), свисающая с крыши’ (СП); лит. *kremzlė* = *ворон., ошм. крамзла́* ‘хрящик; худой человек’ (СП; Лауч.); лит. *keltoja* = *щуч., сморг. калту́я* ‘било и рукоятка цепа; пест; палка, полено’ (СП; Лауч.); лит. *skilandžiukas* = *пост. шклюдзю́к* ‘свиной желудок, начинённый мясом; неуклюжий, неповоротливый человек’ (СП); лит. *grebestas* = *грод., щуч., лид., ивьев., новогр. грэ́бест* ‘обрешетина; жердь в обрешетине; решетник’ (СП; БДС; ЭС; Лауч.); польск. *takatka* = *сморг., остр., пост., лид., щуч. ма́тка* ‘небольшой вышитый ковер или картина; вышитая дорожка на стол’ (СП; БДС; НЛ; ЖС; ЗНС).

2. Заимствования с отношениями несовпадения. В таких случаях ЛСВ первоисточника на белорусскоязычной почве утрачиваются, забываются, и в смысловых структурах полисемантов фиксируются новые, ранее не известные иноязычному слову ЛСВ: лит. *vakarinis, vakaris*

‘западный ветер’ ↔ лид., новогр. **вакарына** ‘большая волна; бурное волнение’ (СП; ЭС; Лауч.); лит. *krumštis* ‘кулак’ ↔ ворон. **кумишчок** ‘кусок; клочок, лоскуток’ (СП); лит. *seklius* ‘мель’ ↔ лид. **сякля** ‘плетеная преграда в реке; пролом’ (СП); лит. *laigesys* ‘беготня’ ↔ пост. **лагязд** ‘шустрый, расторопный человек; вертихвостка’ (СП); лит. *arta* ‘поперечный брус на мачте для укрепления паруса’ ↔ вил., ивьев., пост. **гартоль** ‘приспособление для торможения плота; плотогон, тормозящий плот’ (СП; ЭС).

3. Заимствования с отношениями пересечения. Смысловые структуры таких полисемантов в белорусских говорах и первоисточнике полностью не совпадают, ибо, как правило, осваивается не весь комплекс ЛСВ, а только его часть, на основе которой возникают новые ЛСВ (обычно локативы). Количество совпадающих и несовпадающих ЛСВ может быть самой различной: лит. *liurba* ‘толстая щепка; неопрятный, неряшливый человек; рохля, телепень; разиня’ ∩ ивьев., волк., еид. **лэ рба** ‘толстая щепка; толстый пласт земли; толстый кусок сала’ (СП; Стешк., II; ЭС; Лауч.); лит. *gaktos* ‘передняя часть саней; передняя, выступающая часть печи’ ⊃ ивьев., ворон. **го хта** ‘передняя часть саней; головки полозьев; деревянная основа рыболовной снасти’ (СП; Лауч.; Гринав.); лит. *pūžlys* ‘толстяк; человек маленького роста; слабый, болезненный человек’ ∩ ворон. **пужліс** ‘толстяк; гордец, спесивец; рыхлый качан капусты’ (СП; Лауч.); лит. *marmūze, marmūza* ‘молчаливый человек; неопрятный, неряшливый человек; негодяй; морда; рыло’ ∩ волк., дятл., рог. **мармуза** ‘молчаливый человек; неопрятный, неряшливый человек; ворчун; жидкая невкусная еда’ (СП; Гринав., Лауч.); польск. *fałda* ‘складка, сборка; морщина; изгиб пластов земной коры’ ∩ сморг., грод., brasл., лид., лях., ивенч. **фалды** ‘складка, сборка; морщина; пластинка в пластинчатых грибах’ (СП); польск. *ciężar* ‘вес; тяжесть, груз; угнетение, повинность; штанга’ ∩ грод., мост., дятл., щуч., ивьев., мин., вил. **цэнжар** ‘вес; тяжесть, груз; тяжелая работа; плохое самочувствие, недомогание; болезнь’ (СП);

4. Заимствования с отношениями включения. В таких случаях белорусское слово и его литовский или польский эквиваленты расходятся в количестве ЛСВ. В зависимости от ширины семантической парадигмы полисеманта выделяются две разновидности включения. В первом случае иноязычное слово, сохраняя определенные значения языка-источника, на белорусскоязычной почве развивает новые ЛСВ и тем самым расширяет свой смысловой объем, увеличивает семантическую парадигму. Во втором случае заимствованное слово в белорусском языке сужает смысловой объем: более широкая семантическая парадигма полисеманта языка-

источника включает в свой состав все ЛСВ белорусского слова, а также неизвестные белорусскому аналогу значения.

Расширение смыслового объема полисеманта может осуществляться как за счет включения нового ЛСВ (им может быть семантическое заимствование, определенный локализм и др.), так и посредством смысловой емкости отдельных ЛСВ. Оба способа взаимосвязаны, ибо увеличение смысловой емкости ЛСВ во многих случаях приводит к ответвлению самостоятельного ЛСВ или оттенка, а это значит – к увеличению численного состава семантической парадигмы. Поэтому второй способ можно трактовать как одну из ступеней первого, его промежуточный этап: лит. *šiuropa* ‘птица с взъерошенными перьями’ ⊃ *грод.*, *дятл.*, *ивьев.*, *ворон.*, *волк.*, *люб.* *шу́рна* ‘порода кур, гусей с взъерошенными перьями; курица во время линьки; спутанные нитки; капуста, не образующая кочана; неопрятный человек’ (СП; Лауч.); лит. *gūžta* ‘гнездо, логово’ ⊃ *ворон.*, *брасл.* *гу́шта* ‘гнездо, логово; лунка, где купаются куры; истоптанные посевы; собственное гнездо; семья’ (СП; Лауч.); польск. *szarka* ‘шапка’ ⊃ *ворон.*, *шальч.*, *трак.* *ча́пка* ‘шапка; верхняя часть окна, дверей; верхний сноп при малой укладке снопов’ (СП); польск. *luft*, *lucht* ‘проход в комине; тяга воздуха’ ⊃ *ворон.*, *остр.*, *бероз.*, *пост.*, *вил.*, *ветк.*, *чеч.*, *вит.* *лю́хта* ‘проход для дыма в комине; вьюшка в комине; промежуток между печью и стенкой; отверстие для выхода дыма в курной хате; отверстие в фундаменте’ (СП; Стешк., I; Касп; МСГ); лит. *liūnas* ‘трясина, топь’ ⊃ *остр.*, *брасл.*, *трак.* *лю́на* ‘трясина, топь; зыбкий грунт, зыбун; водоворот’ (СП; ЭС; Лауч.); лит. *raistas*, *reista* ‘болотистый лес; кустарник, заросли’, *диал.* ‘бесприютный человек’ ⊃ *сморг.*, *остр.*, *мост.*, *лид.*, *дятл.*, *ивьев.* *ро́йста* ‘заросшее болото; низкое влажное место; непригодная для обработки земля; небольшой водоём; беспорядок; бездельник’ (ЛБНГ; СП; Лауч.).

В некоторых случаях расширение смыслового объема полисеманта связано со звуковой и морфемной схожестью слов различных языков, их ассоциативными связями. В лингвистической литературе такие процессы получили название омофонических, синонимических и гомологических расширений значений слов. Образование новых ЛСВ в таких случаях может носить непредсказательный, спонтанный характер и не всегда истолковываться традиционными представлениями о смысловом эпидигматическом развитии слова, что связано как со звуковой и морфемной мотивацией, так и приблизительным, не совсем ясным пониманием значений заимствованных слов, неточным восприятием их эмоциональной, коннотативной окраски, воздействием семантически близких языковых единиц, семантической аналогией. Так, ЛСВ *сморг.*, *ивьев.*, *остр.*, *ворон.* *кні́нци* ‘ногти; когти; клешни; пальцы’ (СП;

Стешк., II) образовались в результате контаминации с бел. *kinці* ‘ногти’ и влияния лит. *kniblia* ‘тс’, *knibcai* ‘крюк’ (ЭС; Лауч.). Из трех ЛСВ полисеманта *мэ/ма* ‘бездельник; молчун; вошь’ (СП) первые два являются заимствованиями из лит. *teta, tete* ‘молчун, зевака’; возникновение 3-го ЛСВ связано с влиянием лит. *tumas* ‘вошь’ (ЭС; Гринав.; Лауч.). Скорее всего два литуанизма *lugtene* ‘трясина’ и *lota* ‘долина, яр, лог’ послужили основой для образования *глуб., брасл., вит., полоц. луміна* ‘болото без кустарника; низменность; небольшой луг, залитый водой; углубление на дне реки, озера; лужа; впадина’ (СП; НЛ; Касп.; ЭС). Бел. *крушня* ‘куча камней’ и польск. *krušnia, krusznia* ‘тс’ являются заимствованиями из лит. *krusnis* ‘тс’; значение лит. *krusnis* ‘печь’ и польск. *krušnia, krusznia* ‘тс’ возникли по аналогии с лит. *krosnis* ‘печка’ (Лауч.). На возникновение ЛСВ полисеманта *ды/рда* (< лит. **dirda*) ‘девушка-шалунья, озорница; высокий неуклюжий, неловкий человек’ (СП; ЭС) оказало влияние похожее в звуковом и смысловом отношениях слово *оалда*. Смысловая структура полисеманта *гардзе/ль* ‘горло; пищевод; кадык; бечева’ (СП; Стешк., I) сформировалась под влиянием польск. *gardziel* ‘глотка, горло’ и рус. *гардель* ‘бечева, канат для поднятия паруса’ (ЭС). Два смысловых центра полисеманта *гу/гиль* ‘полевой хвост, очень густой суп; еда из тертого (драного) картофеля’ (СП) соотносятся с двумя литовскими словами *gegelis* ‘хвост’ и *kugelis* ‘еда из тертого (драного) картофеля’, а также бел. диал. *гигель* ‘хвост’.

Процесс семантического сужения может осуществляться как за счет количественного уменьшения ЛСВ, так и посредством свертывания индивидуальных качеств ЛСВ, их интеграции и преобразования широкого, обобщенного, часто диффузного значения в специализированное (терминологическое, номенклатурное): лит. *lazda* ‘луговая трава’ ⊃ *щуч., ивьев., волк., мост., дял. ляжджа й* ‘вид оосоки’ (СП); польск. *koc* ‘одеяло’ ⊃ *остр., ораст., свисл., бар., вил., реч. коц* ‘одеяло фабричного производства; вытканное одеяло; полосатая толстая подстилка’ (СП; НС).

Чаще всего сужение смыслового объема полисеманта развивается по линии нейтрализации (ликвидации) отдельных ЛСВ в заимствованном слове: польск. *widok* ‘внешний вид; пейзаж, зрение; расчет; перспектива’ ⊃ *дял. ві/дак* ‘пейзаж; привидение’ (СП); польск. *granda* ‘скандал; обман; грязное дело; компания; куча; череда’ ⊃ *волк., грод., щуч. гра/нда* ‘череда; компания’ (СП); польск. *hasło* ‘лозунг, девиз; призыв; сигнал, знак; пароль; заглавное слово’ ⊃ *пух., лид. га/сла* ‘сообщение; сигнал’ (СП); лит. *žibuly* ‘трава-пикульник; ость; блестящая змея’ ⊃ *грод., щуч., пух. жь/бу/лька* ‘трава-пикульник; ость’ (СП; Лауч.).

Характер смыслового развития заимствований во многом определяется и ареалом его распространения: чем большее

территориальное пространство занимает заимствованное слово, тем больше у него возможностей для разнообразных модификаций смысловой структуры; небольшой же ареал создает благоприятные условия для функционирования моносемичных единиц и простой смысловой структуры. В качестве примера можно привести белорусский полисемант *лоўж*: 1. 'ветви, сброшенные в кучу'; 2. 'куча грязного белья, одежды'; 3. 'тряпьё'; 4. 'куча свёклы'; 5. 'большое количество чего-либо'; 6. 'берлога'; 7. 'место, где лежал конь'; 8. 'беспорядок в доме'; 9. 'ленивая, неопрятная женщина'. Его широкая семантическая парадигма объясняется большим ареалом, не контактирующим с литовскими говорами, временем заимствования (слово считается древним литуанизмом (*ЭС; Лауч.*)), что в целом способствует ориентации ЛСВ не только на литовский аналог, но и на собственные направления смысловых модификаций (сравн. лит.: *laužas* 'куча сухих ветвей, сломанных вещей; любой старый испорченный предмет; логово медведя; старая изба; беспорядок в доме; неопрятный человек').

Таким образом, семантический ландшафт белорусско-литовско-польского пограничья с различного рода заимствованиями представляет собой довольно сложное явление. В нем фиксируется большое количество локализованных ЛСВ, редко очерчивающих какой-либо широкий ареал. Даже в рядом расположенных диалектных континуумах трудно обнаружить совершенно одинаковые смысловые модификации. Немаловажное влияние на это оказывает активно действующая в говорах тенденция к семантической дифференциации диалектной лексики и связанные с ней дивергентные процессы. Все они нашли отражение в диалектных словарях и атласах, составители которых стремились полно, всесторонне, подробно и скрупулезно отразить смысловую структуру слова, часто не совсем оправданно ее дифференцируя и детализируя.

СОКРАЩЕНИЯ

БДС — Шаталава Л. Ф., Беларускае дыялектнае слова. — Мінск: Навука і тэхніка, 1975 — 208 с.

ЖС — Жывое слова. — Мінск: Навука і тэхніка, 1978 — 288 с.

ЗНС — 3 народнага слоўніка. — Мінск: Навука і тэхніка, 1975 — 352 с.

Касп. — Каспяровіч М. І., Віцебскі краёвы слоўнік. — Віцебск, 1927 — 368 с.

ЛАБНГ — Лексічны атлас беларускіх народных гаворак: У 5 тамах /АН Беларусі, Ін-т мовазнаўства/. — Т. 1. Раслінны і жывёльны свет. Т. 2. Сельская гаспадарка. Т. 3. Чалавек. — Мінск: Навука і тэхніка, 1993 — 1996.

Лауч. — Лаучюте Ю. А., Словарь балтизмов в славянских языках. Ленинград: Наука, 1982 — 212 с.

МСГ — Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны // Беларуская мова і мовазнаўства (з 1977 г. — Беларуская мова), вып. 3 — 10. — Мінск: Выд-ва БДУ імя У. І. Леніна, 1975 — 1982.

- НЛ* — Народная лексіка. — Мінск.: Навука і тэхніка, 1977 — 288 с.
- СП* — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча, т. 1 — 5. — Мінск: Навука і тэхніка, 1979 — 1986.
- Стешк., I* — Сцяшковіч Т. Ф., Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. — Мінск: Навука і тэхніка, 1972 — 618 с.
- Стешк., II* — Сцяшковіч Т. Ф., Слоўнік Гродзенскай вобласці. — Мінск: Навука і тэхніка, 1993 — 670 с.
- ЭС* — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы, т. 1 — 8. — Мінск: Навука і тэхніка, 1978 — 1993.

остр. — островецкое;
ашм. — ашмянскае;
бар. — барановіцкае;
борис. — борисовскае;
бел. — беларускае;
брасл. — браслаўскае;
берез. — березовскае;
волк. — волковыскае;
в.-дв. — верхнедвінскае;
ветк. — ветковскае;
вил. — вилейскае;
вит. — витебскае;
ворон. — вороновскае;
грод. — гродненскае;
дятл. — дятловскае;
ігн. — ігналінскае;
ивьев. — ивьевскае;
коп. — копыльскае;
корел. — корелицкае;
лід. — лідскае;
літ. — літоўскае;
люб. — любонскае;
лях. — ляхавіцкае;
молод. — маладечненскае;
мост. — мостовскае;
мин. — мінскае;
мяд. — мядэльскае;
новогр. — новогрудскае;
несв. — несвіжскае;
пост. — поставскае;
полоц. — полацкае;
польск. — польскае;
пруж. — пружанскае;
пух. — пухавіцкае;
рог. — рогачевскае;
реч. — рэчыцкае;
свисл. — свислочьскае;
сморг. — сморгонскае;
стол. — столінскае;

трак. — тракайское;
чеч. — чечерское;
шальч. — шальчининское;
швенч. — швенчонское;
щуч. — щучинское.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ